

Валько О. В. Адаптивная вариативность когнитивного моделирования лексической семантики / О. В. Валько // Научный диалог. — 2018. — № 4. — С. 21—42. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-21-42.

Valko, O. V. (2018). Adaptive Variability of Cognitive Modelling of Lexical Semantics. *Nauchnyy dialog*, 4: 21-42. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-21-42. (In Russ.).

УДК 81'37+811.111'42

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-21-42

Адаптивная вариативность когнитивного моделирования лексической семантики

© Валько Ольга Владимировна (2018), orcid.org/0000-0003-4612-5469, кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и лингвистики, Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия), olgav2001@gmail.com.

Статья посвящена вопросам когнитивного моделирования семантики существительных английского языка, обозначающих преступника. Рассматривается вопрос вариативного представления когнитивной информации, обусловленного адаптивным потенциалом структур представления знаний в зависимости от уровня языка и сущности исследуемого явления. Представлены результаты анализа лексических единиц и их актуализации в художественном тексте. Особое внимание уделяется таким структурам представления знания, как фрейм, прототип, когнитотип, стереотип. Новизна исследования видится в том, что в работе реализован когнитивный подход к исследованию семантики единиц и содержательного и структурного аспектов текста. В рамках данного подхода задействуются когнитивные структуры разных уровней. Делается вывод о комплементарности таких структур и о возможности их одновременного функционирования. Кроме того, в работе предпринимается попытка сформулировать правила и принципы когнитивного исследования текста. Актуальность исследования обусловлена попыткой выявления закономерностей категоризации и концептуализации действительности, отраженных в языке. Результаты когнитивных исследований, обычно представленные в виде моделей или схем, облегчают последующее сравнение способов категоризации в других языках, а также выявление общих универсальных закономерностей человеческой когниции и принципов ее отражения в семантике.

Ключевые слова: когнитивная семантика; семантический инвариант; прототип; когнитотип; фрейм.

1. Введение

Исследования, направленные на описание, схематизацию, структурирование и описание лексической семантики [Гуревич, 2002; Кравченко, 2004; Маслова, 2004; Песина, 2014; Методы когнитивного анализа ..., 2017; и др.], имеют широкое распространение в фундаментальной и прикладной лингвистике. Такое широкое распространение когнитивных исследований в современной науке обусловлено в значительной степени неудовлетворенностью существующими подходами к изучению семантики и продолжающимся развитием когнитивной парадигмы [Апресян, 1994; Архипов, 1997; Беляевская, 1994; Баранов, 2001; Jackendoff, 2002; Taylor, 2003; Песина, 2014]. Суть критических замечаний сводится к следующему: семантика не существует независимо от аккумулированного знания (лингвистического и экстралингвистического), лингвокультуры, когнитивных и категориальных процессов [Rosch, 1973; КСКТ, 1997; Баранов, 2001; Лакофф, 2004; и др.].

Когнитивный подход позволяет получить более комплексное представление об исследуемом объекте и в большей мере соответствует требованиям современной науки. В центре внимания когнитивной лингвистики находится вопрос о связи языковых единиц или явлений с когнитивными структурами и их репрезентации в сознании человека [Petruck, 1996; КСКТ, 1997; Гуревич, 2002; Маслова, 2004; Евтушок, 2004].

Формы репрезентаций получили различные наименования у разных исследователей в зависимости от того, к какому материалу и с какими целями они применяются: схема / фрейм; сцена; сценарий / скрипт; модель (глобальная, когнитивная, ментальная, универсальная); концепт; пропозиция; псевдотекст; инвариант; прототип и другие. Даже у одного исследователя когнитивный терминологический аппарат может включать несколько единиц, например, у М. Минского фреймы подразделяются на поверхностные синтаксические, поверхностные семантические, тематические и повествовательные [Минский, 1979]; А. П. Бабушкин рассматривает «концепт», «категорию», «прототип», «схему», «фрейм», «сценарий» в качестве базовых структур, а также их сочетание по типу «концепт-схема», «концепт-фрейм» и т. д. в качестве промежуточных структур [Бабушкин, 1998]; Е. Л. Боярская рассматривает составные части фрейма — конститутивный подфрейм, формальный подфрейм, целевой подфрейм, прагматический подфрейм [Боярская, 2017].

Отсутствие единства терминологии свидетельствует о нескольких фактах: 1) терминологический аппарат все еще находится в процессе становления; 2) исследование разных феноменов языка требует специальных инструментов и процедур, что проявляется в возникновении новых тер-

минов для обозначения когнитивной структуры, соотносимой с исследуемым явлением; 3) несмотря на широкий диапазон когнитивных структур, представленных в исследованиях лингвистов, все они обладают общими признаками и свойствами (они схематичны; репрезентируют определенное знание / фрагмент (не)языковой реальности; чаще всего соотносятся с каким-либо уровнем языка; стремятся не просто описать содержание когнитивной структуры, но и реконструировать механизм ее действия или принцип организации).

2. Методика

Данное исследование проводится в рамках когнитивной лингвистики и посвящено изучению семантики лексических единиц, обозначающих преступника (60 единиц), при помощи лексикографических источников и посредством анализа их употребления в художественной литературе. Понятия «преступление» и «преступник» следует отнести к универсальным, поскольку они лексикализованы или воплощены во всех языках. После анализа закономерностей категоризации и концептуализации данного фрагмента действительности в английском языке была предпринята попытка представить их в виде моделей или схем, соответствующих разным уровням языка (прототип — семантический уровень, фрейм — грамматический уровень, когниотип — текстовый уровень, стереотип — лингвокультурный (концептуальный) уровень). Таким образом, можно утверждать, что когнитивное моделирование семантики лексических единиц может быть вариативным и адаптироваться к особенностям исследуемой сущности в зависимости от рассматриваемого материала, целей и задач исследования. В качестве базовых использовались понятия «категоризация», «прототип» (прототипический фрейм), «фрейм» (поверхностный синтаксический фрейм), «когниотип» (своеобразное объединение тематических фреймов и повествовательных фреймов), стереотип.

Категоризация человеческого опыта и знания составляет основу когнитивной деятельности человека. Под категоризацией понимают «подведение явления, объекта, процесса и т. п. под определенную рубрику опыта, категорию и признание его членом категории», а в более широком смысле — «процесс образования и выделения самих категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений и т. п., а также — результат классификационной деятельности» [КСКТ, 1997, с. 12]. Если процессы когниции и концептуали-

зации являются стимулом для развития языка, то процесс категоризации демонстрирует явное доказательство их безграничных возможностей, поскольку позволяет сократить безграничные явления мира до соизмеримых пропорций [КСКТ, 1997; Кравченко 2001; Taylor, 2003] и упорядочить поступающую по разным каналам информацию [Лакофф, 2004]. Выделяется несколько подходов к явлению категоризации: (1) классический (аристотелевский) по признаку общности; (2) семейного сходства; (3) прототипический по наличию совокупностей необходимых и достаточных признаков [Rosch, 1973; Кравченко, 2004; Лакофф, 2004].

Слово может актуализировать в сознании интерпретатора сцену или указывать на ее часть. Под *прототипом*, или прототипными сценами, понимаются сцены, признаки которых не представляют всей информации о рассматриваемой действительности, но объясняют простейшие случаи или идеальные примеры [Лакофф, 2004, с. 122—127]. В фреймовой семантике за значением каждого слова стоит прототипический фрейм, являющийся совокупностью знаний человека о мире и сформированный на основе его прошлого опыта [Архипов, 1997]. При этом в теории прототипов «имеет место скорее сгущение, группировка предметов вокруг каждого из прототипов, но большинство этих предметов с самим прототипом не совпадают» [КСКТ, 1997, с. 141]. Прототипичность проявляется в том, что большинство носителей языка одинаково характеризуют значение языковых единиц в отрыве от контекста, иными словами, прототипы можно называть категориями, нормирующими семантическое содержание и внутренний лексикон [Aitchinson, 1987].

Предлагается использовать термин *фрейм* как родовое понятие, общее для обозначения разных типов когнитивных структур [Болдырев, 2004]. Изначально термином *фрейм* обозначалась структура данных для представления стандартной ситуации [Минский, 1979, с. 54] или «унифицированные конструкции знания или связанные схематизации опыта», позволяющие осуществлять категоризацию слов одной группы [Филлмор, 1988, с. 54]. Структурно-формализующую сущность фрейма в большой степени выражают поверхностные синтаксические фреймы — обычно структуры с глаголами и существительными, задающие определенную модель языковой линейной структуры [Минский, 1979].

Термин *когниотип* демонстрирует несколько вариантов интерпретаций. Однако наибольшее распространение получила трактовка когниотипа как результата модификации существующей когнитивной схемы для того, чтобы приспособить ее к конкретному тексту, а также результат последующего заполнения модифицированной схемы информацией, взятой из тек-

ста. Иными словами, когнитивный тип может быть рассмотрен как прототипический вариант / модель текста некоей предметной области.

Если прототип является принадлежностью лексического уровня (отражает категориальные семантические признаки лексической единицы), то *стереотип* — это единица иного порядка, приближенная к культурному концепту и соотносимая с лингвокультурной сферой. Стереотип определяется как «стандартное мнение» об объекте [КСКТ, 1997, с. 177—178], которое обладает логической формой суждения в наиболее упрощающей и обобщенной форме и приписывает конкретные свойства определенному классу объектов или отказывает ему в этих свойствах (когнитивная функция); предписывает эмоциональную или оценочную установку по отношению к представителям класса объектов (аффективная функция); принадлежит достаточно большой группе носителей языка и служит ориентиром в обыденной жизни (социальная функция). Для стереотипа характерен баланс между стабильностью («закостенелостью») и изменчивостью («гибкостью») с сохранением возможности модифицировать его содержание и отражать слой культурно и социально значимой информации.

3. Результаты и обсуждение

Прототипический фрейм «CRIMINAL» реконструируется при помощи когнитивного содержания существительного *criminal*, которое является прототипом категории, то есть проявляет в наибольшей степени свойства, общие с другими единицами группы слов, обозначающих преступника, к тому же реализуют эти свойства в наименее измененном виде, то есть без добавления иных признаков, свойств или характеристик.

Рассмотрев данные толковых словарей [COL, LDCE, MWOD, MWED, MWT, COD], приходим к определенным выводам относительно семантики прототипа, которую можно представить схематично (рис. 1 и рис. 2).

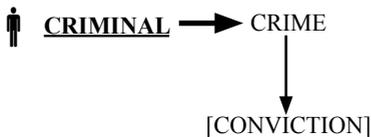

Рис. 1

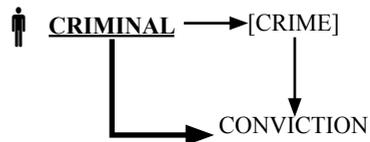

Рис. 2

Во-первых, прототип может быть непосредственно или опосредованно связан с понятием преступления («CRIME») и определяться через него;

во-вторых, существует два основных направления категоризации в отношении прототипической информации о преступнике. Эти два направления категоризации можно проиллюстрировать следующими схемами, которые наглядно представляют взаимоотношение таких понятий, как CRIMINAL, CRIME и CONVICTION (рис. 1 и рис. 2). Эти два направления категоризации сводятся к следующему: (1) преступник — человек, совершивший преступление / виновный в преступлении (рис. 1); (2) преступник — человек, осужденный за преступление (рис. 2).

Первый рисунок отражает деятельностный подход к категоризации преступника (преступник = человек, осуществляющий преступную деятельность), при этом информация о его осуждении остается факультативной / скрытой / имплицитной (на это указывают скобки). Второй рисунок отражает результат / следствие деятельности преступника. Согласно второму подходу, именно судебные инстанции могут осудить человека, то есть признать его преступником (официально отнести к соответствующей категории). Однако необходимым и обязательным условием является предварительное совершение преступления, которое имплицитно, но его характер может остаться неизвестным.

Тезаурус английского языка [PPET] отражает ряд альтернативных номинаций преступника. Анализ эквонимов позволяет дополнить список направлений категоризации (рис. 3—6).

Рис. 3 соответствует модели интерпретации, в которой преступник идентифицируется как человек, осуществляющий противозаконную (то есть преступную) деятельность (*delinquent, evil-doer, felon, lawbreaker, malefactor, offender, outlaw, scofflaw, transgressor, trespasser, wrongdoer, blackmailer, crook*). В центре внимания модели интерпретации на рис. 4 находится факт осуждения, отбывания или отбытия наказания в местах заключения или лишения свободы (*culprit, convict, ex-convict, jailbird, repeater, recidivist*). Категоризация представлений о человеке как о преступнике может быть обусловлена его принадлежностью к преступной группе или связью с преступником / -ами (*gangster, guerrilla, hatchet man, mobster, moll, racketeer*) (рис. 5). Последний рисунок (рис. 6) представляет преступника как человека, практикующего насилие (*desperado, hoodlum, hooligan, hustler, mug, muscle man, shylock, thug*).

Такое положение дел отражает общие законы языка и принципы номинации. Наиболее многочисленная группа единиц фиксирует основной категориальный признак (*criminal / illegal activity* — *преступная / противозаконная деятельность*) и уточняет некоторые характеристики, свойствен-

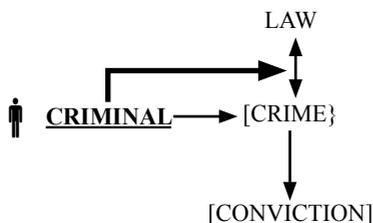

Рис. 3

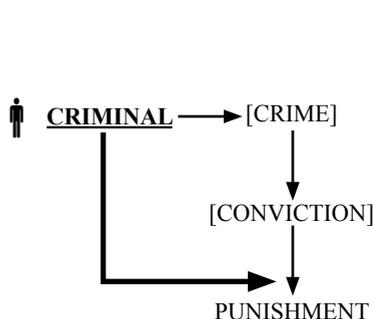

Рис. 4

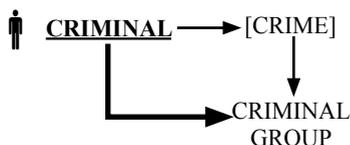

Рис. 5

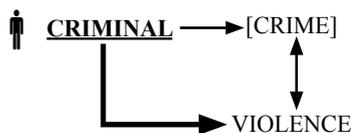

Рис. 6

ные преступнику. Следующая по количеству группа закрепляет важный для носителей языка признак — *violence* (практика насилия), — то есть указывает на потенциальную опасность для индивида, исходящую со стороны носителя данного категориального признака.

Количественная характеристика лексических репрезентантов выше-названных групп в художественной литературе демонстрирует сохранение обозначенной выше тенденции. Наибольшее количество примеров (55,31 %) относилось к единицам, фиксирующими категориальный признак (*criminal / illegal activity* — преступная / противозаконная деятельность). Репрезентанты по категориальному признаку *violence* (практика насилия) были обнаружены в 19,53 % примеров. Эквонимы по категориальному признаку *conviction / confinement* (осуждение / заключение) лишь немного уступили (18,44 %). На последнюю группу, отражающую связь с преступной средой, пришлось 6,72 % употреблений.

Грамматические характеристики исследуемых единиц можно представить при помощи *фреймов*: морфологические посредством типичных

деривационных моделей, синтаксические — типических синтаксических моделей. Было выявлено, что из 60 лексических единиц (ЛЕ) 43 имеют английское происхождение, 16 единиц были заимствованы (10 ЛЕ — из латинского, 2 ЛЕ — из германских языков, по 1 ЛЕ — из испанского, арабского и индийского языков), происхождение 1 ЛЕ (*mug*) неизвестно. Английские номинации преступника реализуют следующие морфологические особенности:

- 1) 39 ЛЕ из 43 реализуют ту или иную модель словообразования;
- 2) наиболее продуктивным (наблюдается в 24 ЛЕ) является суффиксальное словообразование от основы глагола, обозначающего тот или иной вид преступной деятельности, путем добавления суффиксов *-er / -ar / -or / -ist*, имеющих значение деятеля (*abuser, assaulter, batter, blackmailer, counterfeiter, embezzler, extorter, forger, gambler, hustler, kidnapper, looter, offender, perjurer, repeater, robber, smuggler, stalker, trespasser, traitor, transgressor, burglar, terrorist, rapist*);
- 3) менее продуктивны конверсия (4 ЛЕ: V → N (*finger, fraud, spy*) и N_{INSTR} → N_{AGENT} (*crook*)), а также суффиксальный способ образования от основы существительного (2 ЛЕ: N + SUF (*gangster, mobster*));
- 4) значительную часть номинаций представляют сложносоставные слова (10 ЛЕ), образованные при помощи таких моделей, как [N_{OBJ} V]-SUF (*drug dealer, lawbreaker, evil-doer, tax evader, wrongdoer*), N + N (*hatchet man, jailbird, muscle man*), Prep + N (*outlaw*), V + N (*scofflaw*);
- 5) еще по 2 ЛЕ представляют результаты развития древнеанглийского слова (*thief*) и устаревшей формы (*desperado*) и являются результатом превращения имен собственных в нарицательные (*hooligan ← from Patrick Hooligan, Irish hoodlum in Southwark, London; moll ← from Moll, nickname for Mary*).

Исследование этимологии заимствованных единиц позволило прийти к следующим выводам: 1) в языках, из которых были заимствованы ЛЕ со значением преступника, номинации имеют довольно прозрачную мотивацию; 2) заимствованные единицы в языке, из которого было произведено заимствование, называют человека, который: занимается преступной деятельностью или совершает насилие / противоправное действие (*arsonist, homicide, larcenist, pirate, felon, guerrilla, thug, malefactor*); несет вину за преступление или был осужден за него (*convict / ex-convict, culprit, delinquent*); ассоциируется с беспорядком и разрушением (*vandal, hoodlum*). Данные особенности полностью соответствуют направлениям интерпретации, характерным для английского языка.

Прототипические и морфологические особенности обозначений преступника позволяют сделать вывод о их непосредственной связи с когни-

тивным содержанием фрейма «CRIME» [Евтушок, 2004] и производном (вторичном) характере. Иными словами, любые когнитивные процедуры с семантикой ЛЕ, номинирующих преступника, актуализируют связь с преступлением. Однако степень детализации представления о преступлении может быть различной.

Исследование языковой репрезентации концепта CRIME позволяет выделить три группы преступлений в соответствии с тем, против кого направлено преступление: преступления против человека, общества, человечества [Евтушок, 2004, с. 89]. Другие классификации преступления включают преступления с применением насилия, преступления против собственности, преступления, нарушающие общественный порядок, при этом они могут варьироваться в зависимости от уголовного законодательства страны. С. К. Питерцев предлагает классификацию преступников по степени их общественной опасности: злостный, случайный, промежуточный. На более низких уровнях классификации понятие преступника уточняется за счет введения родовых подтипов насильственного, корыстного или насильственно-корыстного преступника [Питерцев, 1978, с. 101—103].

На примере списка номинаций преступлений и списка номинаций преступников можно наблюдать языковую асимметрию, поскольку в ряде случаев номинация преступника либо отсутствует (*weapon possession*), либо представлена неоднокоренной единицей, поскольку названия преступления и производные номинации преступника не всегда демонстрируют полное соответствие (*sexual assault — rapist, illegal gambling — gambler, drug possession — drug dealer* и т. д.).

Набор лингвистически и когнитивно релевантных элементов предложения фиксируется **фреймом**, для которого предлагается перечислить потенциальный набор связей / актантов / валентностей, то есть грамматических свойств единицы [Jackendoff, 2002; Langacker, 1987; Langacker, 1991]:

N_{criminal} 's N_1 : *the fraud's cunning, the murderer's atrocity, the thug's knife, etc.*;

N_2 of N_{criminal} : *the pursuit of two criminals, the band of outlaws, etc.*;

Adj N_{criminal} : *murderous outlaws, political offenders, incorrigible thief, etc.*;

N_{criminal} V_1 : *the convict would rob a man, the killer maimed the corpse, etc.*;

V_2 N_{criminal} : *to detect an offender, to incarcerate / imprison a lawbreaker, to forgive the criminal, etc.*;

N_{criminal} be V_2 : *felons were convicted of the most atrocious crimes, etc.*

Семантические характеристики обусловлены связями объектов в реальности. Так, существительное N_1 называет либо имеющий отношение

к деятельности преступника физический объект (неодушевленный — орудие, добыча и т. д.; одушевленный — жертва, сообщник и т. д.), либо абстрактное понятие, характеризующее преступника. С другой стороны, существительное N_2 представлено либо собирательными существительными, обозначающими объединение преступников, либо действиями, предпринимаемыми в отношении преступников, которые соотносятся с действиями, обозначенными глаголами V_2 . Данные действия охватывают весь диапазон действий по выявлению преступников, их судебного преследования и наказания. Глаголы группы V_1 представлены в основном действиями преступного характера, имеющими деструктивную или антисоциальную природу. Прилагательные Adj охватывают оценочные прилагательные (в основном отрицательные) или прилагательные, описывающие характер преступной деятельности (тип преступления, повторное совершение преступления, отношение преступника к преступлению: раскаяние, нежелание становиться на путь исправления и т. д.).

Грамматические связи обычно отражают набор слотов и их возможное содержание, что позволяет представить структуру фрейма в виде таблицы [Баранов, 2001, с. 17].

Рассмотрим примерную структуру фрейма (табл. 1).

Таблица 1

Фрейм «CRIMINAL»

Имя слота	Возможное содержание слота	Имя слота	Возможное содержание слота
деятельность →	преступление или его разновидность	орудие	нож, пистолет и т. д.
		место и время преступления	банк, дом, самолет / ночью, днем
		жертва преступления	человек, группа людей и т. д.
		цель или мотив преступления	нажива, месть и т. д.
		принадлежность к преступной группировке	банда, мафия и т. д.
личность преступника	психологический портрет		
	внешность		
	происхождение		
	особенности поведения		

В процессе применения фрейма при обработке данных текста набор слотов может увеличиваться или сокращаться в зависимости от необходимости, а содержание слотов — модифицироваться или уточняться в зависимости от содержания предложения / текста. Очевидно, что структура фрейма может быть значительно более развернутой и сложной; фрейм включает в себя ряд подфреймов [Баранов, 2001].

Прикладное значение фреймовой структуры определяется тем, что она формирует каркас для текстовых ожиданий, отражая один из фрагментов модели / картины мира. «Под моделью мира обычно понимается совокупность определенным образом организованных знаний о мире, свойственных когнитивной системе. В общем виде о модели мира говорят, как о части когнитивной системы, хранящей знания об устройстве мира, его закономерностей и т. д. В другом понимании модель мира связывается с результатами понимания текста или дискурса» [Баранов, 2001, с. 19]. Применяя данную структуру к тексту, мы получаем инструмент для моделирования структуры и содержания текста.

Итак, данная модель может совпадать с *моделью когниотипа*. В процессе заполнения слотов конкретной информацией происходит следующая адаптивная модификация структуры: на первый план выходит информация одного или нескольких слотов. В рамках когнитивной лингвистики данное явление обозначается термином *выдвижение (foregrounding)*. Оно связывается «с когнитивной процедурой отбора наиболее значимой в данном контексте и для данных коммуникантов информации» [КСКТ, 1997, с. 22]. Выдвижение имеет большое значение для эффективности когнитивных процессов, поскольку оно направляет интерпретацию текста, активизирует имеющиеся у коммуникантов знания, мнения установки (прототипы, фреймы, стереотипы), снижает потребность в больших объемах информации.

Проанализировав сущность модификаций когниотипа преступника, можно прийти к заключению, что они связаны с выдвижением информации, соотносимой со следующими слотами: 1) «преступление»; 2) «внешность» преступника; 3) «личность» преступника; 4) «поведение» преступника; 5) «происхождение» преступника; 6) «прошлое» преступника; 7) «наказание» преступника.

Рассмотрим небольшой отрывок текста, взятый из произведения К. Дойла. Знакомство с его содержанием позволяет заполнить структуру когниотипа и сделать вывод о характере выдвижения для данного текста. Прежде всего, можно увидеть, что реализованы оба главных компонента когниотипа (тип совершаемого преступления и личность преступника) (табл. 2).

Таблица 2

Когниотип преступника (по произведению К. Дойла)

Crime / Преступление	
Type / Тип	the murderer, thief, smasher, and forger crack a crib
Status in the criminal sphere / Статус в преступном мире	at the head of his profession (detectives) would rather have bracelets on him (detectives) never know where to find the man himself (detectives) have never set eyes on him yet
Place / Место преступления	London (signs of him at every turn), Scotland
Criminal's Personality / Личность преступника	
Name / Имя	John Clay
Age / Возраст	a young man
Background / Происхождение	his grandfather was a royal duke
Education / Образование	Eton and Oxford
Psychological peculiarities / Психологический портрет	a remarkable man his brain is as cunning as his fingers raising money to build an orphanage in Cornwall

Данные текста не позволяют отнести Джона Клея к какому-либо одному классу преступников, поскольку он обладает разнообразными «криминальными талантами» (совершает убийства, кражи, в том числе со взломом, пускает в обращение фальшивые монеты, деньги). Текст содержит информацию о высоком статусе преступника в криминальном мире и успешном характере его деятельности. К данному выводу можно прийти, основываясь на данных о страстном стремлении детективов поймать его и о безуспешных попытках даже выйти на его след. Также представлена локализация преступной деятельности Джона Клея. Интерпретатор узнает из текста, что Джон Клей — не только незаурядный преступник, но и неординарный человек (аристократического происхождения, с престижным образованием и изобретательным умом, с благородными порывами).

В еще одном тексте когниотип демонстрирует значительную асимметрию между частями, содержащими информацию о преступлениях и о прошлом преступника, в пользу описания основных событий в жизни преступника. Попытка реконструировать когниотип данного текста встречает трудности, поскольку в тексте прослеживаются диахронические изменения в преступной деятельности главного героя (определенные собы-

тия в его жизни заканчиваются совершением новых преступлений). Для решения этих трудностей предлагается представить информацию о преступлениях героя в нескольких подразделах (в соответствии с этапами жизни преступника и совершаемыми им преступлениями):

K1 — период жизни до похищения (грабитель);

K2 — период службы в армии (убийца и дезертир);

K3 — период жизни в банде дезертиров, а затем разбойников (главарь банды, бандит);

K4 — период жизни, связанный с попыткой его подкупа и склонения к сотрудничеству с властями (мошенник и убийца).

Таблица 3

Система когнитивных преступника
(по произведению Дж. Конрада)

K1 (до похищения)

Crime / Преступление	
Type / Тип	the robber (at the same time) an inoffensive, small ranchero (at the same time victim of the crime) kidnapped with circumstances of peculiar atrocity
Motive of his kidnapping / Мотив его похищения	forced to serve in the army
Time of kidnapping / Время его похищения	during one of the civil wars

K2 (служба в армии)

Crime / Преступление	
Type / Тип	(premeditated murder) he killed his colonel (deserting) managed to get clear away
Victim / Жертва	his colonel
Motive / Мотив	to get clear away
Behaviour before the crime / Поведение до преступления	his conduct as soldier was exemplary (planning and premeditating) watching his chance

К3 (жизнь в банде разбойников)

Crime / Преступление	
Type / Тип	blackmail (in cattle and horses) (robbery) go straight to the shop or store, select what he wanted, and ride away unopposed; the upper class were often stopped on the roads and robbed; to ambush (violence) a severe flogging (of officials)
Victims / Жертвы	the haciendas never poor country people the upper class
Behaviour / Поведение	used to ride, single-handed, into the villages and the little towns on the Campo, driving a pack mule before him;
Criminal group / Принадлежность к преступной группе	With a band of deserters , who chose him for their chief;
Reputation / Репутация	extraordinary stories were told of his powers and of his wonderful escapes from capture; the terror his exploits and his audacity inspired; famous
Relations with authorities / Отношения с властями	The army officers did not like his name to be mentioned in their presence. His followers laughed at the pursuit of the regular cavalry sent to hunt them down. Expeditions had been fitted out; a price had been put upon his head. (futile) attempts to open negotiations with him

К4 (попытка его подкупа и склонения сотрудничеству с властями)

Crime / Преступление	
Type / Тип	(swindle) (mass murder) emptied many saddles
Victim / Жертва	The troopers, soldiers
Results / Последствия	disgrace upon the National Army; the commanding officer got into a state of despairing intoxication and beat the ambitious Fiscal severely with the flat of his saber; The highest civil official of Tonoro, falling to the ground in a swoon , was further kicked all over the body and rowelled with sharp spurs about the neck and face because of the great sensitiveness of his military colleague.

Place / Место преступления	a fold of the ground
----------------------------	----------------------

Criminal's Personality / Личность преступника	
Name / Имя	Hernandez
Behaviour / Поведение	(desperate; defiant; provoking; aggressive)
Psychological peculiarities / Психологический портрет	an inoffensive, small ranchero (at first) (then ruthless murderer) (then desperate bandit and robber) (loyal to his band) Hernandez evidently was not of the stuff of which the distinguished military politicians and conspirators of Costaguana are made.

Когнитивный тип позволяет проследить эволюцию преступника от безобидного ранчера (фермера) до жестокого предводителя банды. Преступная деятельность Эрнандеса включала и грабежи, и убийство, и дезертирство, и поборы с владельцев магазинов, и шантаж землевладельцев, и насилие по отношению представителей власти, и обман властей, и отказ сотрудничать с ними, а также организацию массового убийства солдат. На основании всего перечисленного можно охарактеризовать действия преступника как отчаянные, дерзкие, провоцирующие и агрессивные.

Психологический портрет преступника демонстрирует противоречивые свойства: Эрнандес грабит богатей, но не трогает бедняков; он характеризуется как безобидный скотовод и безжалостный убийца; не гнушается обманом и предательством, хотя автор указывает на то, что он отличается от бесчестных политиков в лучшую сторону. Таким образом, когнитивный тип позволяет воссоздать образ человека, выбирающего путь действия, хотя и преступного, а не пассивного приспособления к несправедливым условиям жизни.

Необходимо напомнить о том, что знание стереотипов очень важно для осуществления успешной коммуникации. В качестве источников стереотипической информации выступают оценочные высказывания о преступнике в форме суждений (особенно с выражениями *many criminals / most criminals, always / usually*, etc.), предложения со сравнительными оборотами (основой для сравнения выступали представления о преступнике, его характере, поведении, отличительных особенностях).

Анализ данных предложений позволил нам выявить некоторые из устойчивых стереотипов о преступнике.

1) ЗАКОРЕНЕЛОСТЬ преступника, которая проявляется в нежелании раскаяться: ... *in the hardened manner of an impenitent criminal* [ЕАС: Conrad, p. 14],

2) УВЕРЕННОСТЬ В СВОЕМ ПРЕВОСХОДСТВЕ над другими людьми (потенциальными жертвами его преступлений): *Like most clever criminals, he may be too confident in his own cleverness and imagine that he has completely deceived us* [ЕАС: Doyle, p. 213],

3) СТРАХ ПЕРЕД НАКАЗАНИЕМ и ЖЕЛАНИЕ ИЗБЕЖАТЬ ЕГО: *The helplessness of being in the water, bound hand and foot, had produced some such effect on him, as the near approach of punishment is known to produce on most criminals, leaving a vivid impression of the horrors of death upon his mind, and this too in connection with a picture of bodily helplessness* [ЕАС: Cooper, p. 597],

4) ВОЗМОЖНОСТЬ ИЗМЕНИТЬСЯ (ИСПРАВИТЬСЯ), обычно импульсом к возрождению являются милосердие, доброта, прощение, что-либо прекрасное: *Doubt survived Jimmy; and, like a community of banded criminals dis-integrated by a touch of grace, we were profoundly scandalised with each other* [ЕАС: Conrad, p. 207] «Very good, very good, indeed,» said Reginald, playing chords that would waft a hardened criminal to heaven [ЕАС: Mansfield, p. 210]. Возможность изменения преступника часто связывают с его РАСКАЯНИЕМ. При этом распространено убеждение, что рано или поздно преступник испытает желание искренне покаяться, повиниться, облегчить свою совесть: *Yes, Sir Ethelred. You know no doubt that most criminals at some time or other feel an irresistible need of confessing — of making a clean breast of it to somebody — to anybody* [ЕАС: Conrad, p. 297].

5) как результат веры в возможность перерождения преступника за ним сохраняется ПРАВО НА ЗАЩИТУ и ПРАВО НА ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО, благодаря которым, как считается, преступник сможет объяснить, что побудило его совершить преступление, получит возможность раскаяться в своих преступлениях, и тогда, возможно, ему будет даровано ПРОЩЕНИЕ: *Well now, Jane, you know, or at least I will tell you, that when a criminal is accused, he is always allowed to speak in his own defence* [ЕАС: Brontë, p. 126] *Society often forgives the criminal; it never forgives the dreamer* [ЕАС: Wilde, p. 70]

6) Существуют достаточно детализированные стереотипы, которые связаны с определенным «видом» преступника. Так, одним из ярких примеров является СТЕРЕОТИП (БЛАГОРОДНОГО) РАЗБОЙНИКА / ПИРАТА (*robber, pirate*), вариант которого представлен в произведении М. Твена. Суммируя содержание бесед главных героев, данный стереотип можно

охарактеризовать как романтизированный образ (почерпнутый из детской или романтической литературы) и отразить при помощи набора следующих представлений:

- разбойники всегда прячут в определенных местах (*hid in mighty particular places*) сокровища;
- разбойники руководствуются принципами, отличными от тех, что распространены у обывателей (*robbers don't do that way*);
- лучшим человеком и разбойником был Робин Гуд (*...one of the greatest men that was ever in England — and the best. He was a robber*);
- разбойники очень вежливые (*They ain't anybody as polite as rob-bers*);
- женщины неизбежно влюбляются в разбойников (*the women get to loving you*);
- разбойники устраивают оргии (*robbers always have orgies*);
- разбойники достаточно благородны и имеют высокий статус (*they're awful high up in the nobility*).

8) Выше уже упоминалось, что общепринятым является НАСТОРОЖЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПРЕСТУПНИКУ, стремление отгородиться от него, избежать общения с ним, не допустить в свое жилище: ***What does this fellow here? Do you know he is a convict, a felon, a common thief!*** [ЕАС: Dickens, p. 1415]

9) Преступникам свойственно СКРЫВАТЬСЯ, ПРЯТАТЬСЯ ИЛИ ТАИТЬСЯ, в то время как для честного человека такое поведение является несвойственным и даже осуждаемым: ***Do innocent men steal away from the sight of honest folks, and skulk in hiding-places, like outlaws?*** [ЕАС: Dickens, p. 457] ***What do you mean — you, a gentleman — by skulking like a spy about this desolate place?*** [ЕАС: Stevenson, p. 274]

10) В сознании носителей языка и культуры еще сохранилась память о том, что одним из самых безопасных мест для преступника еще со средних веков являлся храм. Находясь под покровительством церкви, преступник мог рассчитывать на спасение от правосудия и, следовательно, считать себя в полной безопасности: ***Secure, because once enlisted aboard a King's ship, they were as much in sanctuary as the transgressor of the Middle Ages harbouring himself under the shadow of the altar*** [ЕАС: Melville, p. 42].

Довольно неожиданным является представление о том, что именно тюрьма завершает превращение человека в преступника: ***This fellow will not go wrong again; he is too terribly frightened. Send him to jail now, and you make him a jail-bird for life*** [ЕАС: Doyle, p. 259]

Нельзя не упомянуть о довольно устойчивом и распространенном сравнении, реализующем модель визуального образа повешенного пре-

ступника: *like a malefactor from his gibbet* [EAC: Brontë, p. 232], *like a criminal upon a gibbet* [EAC: Stevenson, p. 151], *like some gibbeted malefactor* [EAC: Dickens, p. 112].

Таким образом, следует признать, что в англоязычной культуре существует довольно тщательно разработанный стереотип преступника, который реализуется в художественной литературе.

4. Выводы

Терминологический инструментарий когнитивного исследования предопределяет специфику исследуемого семантического содержания и позволяет выявить категориальные признаки и прототипические значения лексических единиц (при помощи прототипов или прототипических фреймов), идентифицировать когнитивные особенности грамматических моделей (при помощи фреймов или поверхностных синтаксических фреймов) и типичных текстовых структур (при помощи когниотипов и поверхностных текстовых фреймов), характерных для этих лексических единиц, а также содержание стереотипов, ассоциируемых с этими лексическими единицами.

Данные когнитивные структуры существуют в отношениях подчинения и дополнения, поскольку каждая содержит информацию разной степени свернутости и имеет инвариантные и вариативные части. В соответствии с теориями универсального ментального пространства, интерпретатор может одновременно или последовательно использовать все эти структуры. Их сочетание в процессе познания обусловлено теориями коннекционизма и базируется на возможности перехода от конкретного к абстрактному, от частного к общему, от части к целому и т. п. При этом, важно понять, что движение может начинаться с любого компонента цепочки «прототип — когниотип — стереотип» и идти в любом направлении.

Прототипическая организация значения представляется оптимальной, потому что для прототипа характерно четкое разграничение легко идентифицируемого и устойчивого к изменениям центра и изменчивой, склонной к вариативности периферии, в результате чего носители языка легко распознают прототипические значения и отличают их от производных или иных значений. Прототипическая информация может реализовать связь с соответствующим фреймом, который в свою очередь может актуализировать в случае необходимости стереотип и / или когниотип. Принципиальная особенность данных структур заключается в том, что они могут соотноситься сразу с несколькими схемами.

Итак, прототип является важнейшим инструментом категоризации, позволяющим группировать объекты, имеющие определенные сходства,

в соответствующие классы. Фрейм содержит информацию о грамматических свойствах единицы. Когнитивный тип обеспечивает возможность создавать и понимать тексты об объекте. Стереотип помогает выработать определенное отношение к объектам этой группы и к группе в целом.

Источники и принятые сокращения

1. КСКТ — *Краткий словарь когнитивных терминов*. — Москва : Изд-во МГУ, 1997. — 245 с.
2. COD — *The Concise Oxford Dictionary*. — Oxford : Oxford University Press, 1999. — 1666 с.
3. COL — *Collins English Dictionary* [Electronic resource]. — London : William Collins Sons & Co, 2000. — (2 CD-ROM).
4. EAL — *English and American Literature = Английская и американская литература* [Электронный ресурс]. — Москва : ДиректМедиа Пабблишинг, 2004. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). — (Электронная книга).
5. LDCE — *Longman Dictionary of Contemporary English*. — London : Pearson Education, 2003. — 1949 p.
6. MWOD — *Merriam-Webster Online Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.m-w.com>.
7. MWDE — *Webster's Third New International Dictionary* [Electronic resource] // *Encyclopedia Britannica*, 2004. — (1 CD-ROM).
8. MWT — *Merriam-Webster's Thesaurus* [Electronic resource] // *Encyclopedia Britannica*, 2004. — (1 CD-ROM).
9. PPET — *The Penguin Pocket English Thesaurus*. — London : Market House Books Ltd, 2005. — 518 p.

Литература

1. Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах / Ю. Д. Апресян // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. — 1994. — Т. 53, № 4. — С. 27—40.
2. Архипов И. К. Лексический прототип, лексема и соотношение языка и речи / И. К. Архипов // К юбилею ученого : сборник научных трудов, посвященных юбилею Е. Кубряковой. — Москва, МГПУ, 1997. — С. 24—28.
3. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика / А. П. Бабушкин : автореферат диссертации ... доктора филологических наук. — Воронеж, 1998. — 41 с.
4. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. — Москва : Эдиториал УРСС, 2001. — 360 с.
5. Беляевская Е. Г. Когнитивные основания изучения семантики слова / Е. Г. Беляевская // *Структуры представления знаний в языке : сборник научно-аналитических обзоров*. — Москва : Институт научной информации по общественным наукам, 1994. — С. 87—110.

6. *Болдырев Н. Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 18—37.
7. *Боярская Е. Л.* Когнитивные основы формирования новых значений полисемантических существительных современного английского языка / Е. Л. Боярская : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. — Москва, 1999. — 24 с.
8. *Гуревич Л. С.* Методика семантического исследования сложноструктурированных глаголов (на материале глаголов управления в современном английском языке) / Л. С. Гуревич. — Чита : ЧитГТУ, 2002. — 287 с.
9. *Евтушок Ю. Г.* Языковая репрезентация концепта CRIME (на материале американского варианта английского языка) : диссертация ... кандидата филологических наук / Ю. Г. Евтушок. — Иркутск, 2004. — 180 с.
10. *Кравченко А. В.* Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. — Иркутск : Иркутский государственный университет, 2004. — 206 с.
11. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 294 с.
12. *Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие / В. А. Маслова. — Москва : Флинта ; Наука, 2004. — 296 с.
13. *Методы когнитивного анализа семантики слова : компьютерно-корпусный подход.* — Москва : Языки славянской культуры, 2015. — 344 с.
14. *Минский М.* Фреймы для представления знаний / М. Минский. — Москва : Энергия, 1979. — 151 с.
15. *Песина С. А.* Инвариантность в когнитивной лингвистике и философии языка : учебное пособие / С. А. Песина. — Москва : Флинта ; Наука, 2014. — 160 с.
16. *Питерцев С. К.* Типология преступников как система : понятие, содержание, структура / С. К. Питерцев // Правоведение. — 1978. — № 1. — С. 101—107.
17. *Aitchinson J.* Words in the Mind : an Introduction to the Mental Lexicon / J. Aitchinson. — Oxford : Basil Blackwell, 1987. — 229 p.
18. *Jackendoff R.* Foundations of Language : Brain, Meaning, Grammar, Evolution / R. Jackendoff. — Oxford : Oxford University Press, 2002. — 478 p.
19. *Langacker R. W.* Concept, Image, and Symbol : The cognitive Basis of Grammar / R. W. Langacker. — Berlin ; New York, 1991. — 390 p.
20. *Langacker R. W.* Nouns and Verbs / R. W. Langacker // Language-March. — 1987. — Vol. 63, N 1. — P. 53—94.
21. *Petrucci M. R. L.* Frame Semantics [Electronic resource] / M. R. L. Petrucci. — Access mode : <http://frame-net.icsi.berkeley.edu>.
22. *Rosch E.* Natural categories // Cognitive Psychology. — 1973. — № 4. — P. 328—350.
23. *Taylor J. R.* Linguistic Categorization / J. R. Taylor. — Oxford : Oxford University Press, 2003. — 324 p.

Adaptive Variability of Cognitive Modelling of Lexical Semantics

© Valko Olga Vladimirovna (2018), orcid.org/0000-0003-4612-5469, PhD in Philology, associate professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia), olgav2001@gmail.com.

The article is devoted to the issues of cognitive modelling of the semantics of English nouns denoting a criminal. The article deals with the question of the variable representation of cognitive information due to adaptive potential of knowledge representation structures depending on the language level and the essence of the phenomenon under study. The results of the analysis of lexical units and their actualization in the literary text are presented. Particular attention is paid to the structures of knowledge representation like frame, prototype, cognotype and stereotype. The novelty of the research is seen in the fact that the work implements a cognitive approach to the study of the semantics of units and the content and structural aspects of the text. Within the framework of this approach, cognitive structures of different levels are involved. The conclusion is made about the complementarity of these structures and about the possibility of their simultaneous functioning. In addition, the paper attempts to formulate rules and principles of cognitive text research. The relevance of the research is caused by the attempt to identify the laws of categorization and conceptualization of reality reflected in the language. The results of cognitive research, usually presented in the form of models or schemes, facilitate subsequent comparison of ways of categorization in other languages, as well as the identification of common universal laws of human cognition and the principles of its reflection in semantics.

Key words: cognitive semantics; semantic invariant; prototype; cognotype; frame.

Material resources

- COD — *The Concise Oxford Dictionary*. 1999. Oxford: Oxford University Press.
- COL — *Collins English Dictionary*. 2000. London: William Collins Sons & Co. 2 electronic tape cassettes (CD-ROM).
- EAL — *English and American Literature = Angliyskaya i amerikanskaya literatura*. 2004. Moskva: DirektMedia Publishing. 1 elektron, opt. disk (CD-ROM).
- KSKT — *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov*. 1997. Moskva: Izd-vo MGU. (In Russ.).
- LDCE — *Longman Dictionary of Contemporary English*. 2003. London: Pearson Education.
- MWDE — Webster's Third New International Dictionary. 2004. In: *Encyclopedia Britannica*. 1 electronic tape cassettes (CD-ROM).
- MWOD — *Merriam-Webster Online Dictionary*. Available at: <http://www.m-w.com>.
- MWT — Merriam-Webster's Thesaurus. 2004. In: *Encyclopedia Britannica*. 1 electronic tape cassettes (CD-ROM).
- PPET — *The Penguin Pocket English Thesaurus*. 2005. London: Market House Books Ltd.

References

- Aitchinson, J. 1987. *Words in the Mind: an Introduction to the Mental Lexicon*. Oxford: Basil Blackwell.
- Apresyan, Yu. D. 1994. O yazyke tolkovaniy i semanticheskikh primitivakh. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 53/4: 27—40. (In Russ.).

- Arkhipov, I. K. 1997. Leksicheskiy prototip, leksema i sootnosheniye yazyka i rechi. In: *K yubileyyu uchenogo: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennykh yubileyyu E. Kubryakovoy*. Moskva, MGPU. (In Russ.).
- Babushkin, A. P. 1998. *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka, ikh lichnostnaya i natsionalnaya spetsifika: avtoreferat dissertatsii...* doktora filologicheskikh nauk. Voronezh. (In Russ.).
- Baranov, A. N. 2001. *Vvedeniye v prikladnuyu lingvistiku*. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).
- Belyaevskaya, E. G. 1994. Kognitivnyye osnovaniya izucheniya semantiki slova. In: *Struktury predstavleniya znaniy v yazyke: sbornik nauchno-analiticheskikh obzorov*. Moskva: Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. 2004. Kontseptualnoye prostranstvo kognitivnoy lingvistiki. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 1*: 18—37. (In Russ.).
- Boyarskaya, E. L. 1999. *Kognitivnyye osnovy formirovaniya novykh znacheniy polisemanticheskikh sushchestvitelnykh sovremennogo angliyskogo yazyka: avtoreferat dissertatsii...* kandidata filologicheskikh nauk. Moskva. (In Russ.).
- Evtushok, Yu. G. 2004. *Yazykovaya reprezentatsiya kontsepta CRIME (na materiale amerikanskogo varianta angliyskogo yazyka): dissertatsiya...* kandidata filologicheskikh nauk. Irkutsk. (In Russ.).
- Gurevich, L. S. 2002. *Metodika semanticheskogo issledovaniya slozhnostrukturirovannykh glagolov (na materiale glagolov upravleniya v sovremennom angliyskom yazyke)*. Chita: ChitGTU. (In Russ.).
- Jackendoff, R. 2002. *Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution*. Oxford: Oxford University Press.
- Kravchenko, A. V. 2004. *Yazyk i vospriyatiye. Kognitivnyye aspekty yazykovoy kategorizatsii*. Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russ.).
- Lakoff, Dzh. 2004. *Zhenshchiny, ogon' i opasnyye veshchi: chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
- Langacker, R. W. 1987. Nouns and Verbs. *Language-March*, 63/1: 53—94.
- Langacker, R. W. 1991. *Concept, Image, and Symbol: The cognitive Basis of Grammar*. Berlin; New York.
- Maslova, V. A. 2004. *Vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku: uchebnoye posobiye*. Moskva: Flinta; Nauka. (In Russ.).
- Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: kompyuterno-korpusnyy podkhod*. 2015. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
- Minskiy, M. 1979. *Freymy dlya predstavleniya znaniy*. Moskva: Energiya. (In Russ.).
- Pesina, S. A. 2014. *Invariantnost' v kognitivnoy lingvistike i filosofii yazyka: uchebnoye posobiye*. Moskva: Flinta; Nauka. (In Russ.).
- Petruck, M. R. L. *Frame Semantics*. Available at: <http://framenet.icsi.berkeley.edu>.
- Pitertsev, S. K. 1978. Tipologiya prestupnikov kak sistema: ponyatiye, sodержaniye, struktura. *Pravovedeniye, 1*: 101—107. (In Russ.).
- Rosch, E. 1973. Natural categories. *Cognitive Psychology*, 4: 328—350.
- Taylor, J. R. 2003. *Linguistic Categorization*. Oxford: Oxford University Press.